

impoverishes the familistic reality. Key existential, ethical, axiological foundations should not be reduced or occupy secondary positions in familial cognition.

The fourth issue is related to the ontologization of scientific models. Scientists identify the schemes and models of the family with reality. The rational-logical construct of the family breaks away from the ethical, axiological and existential aspects and is ontologized, which is unacceptable.

The practical importance of the article. This article contributes to the development of philosophy of family and the formation of interdisciplinary synthesis of family sciences.

The conclusions. The problem of scientific knowledge of the family is reduced to four issues: a holistic understanding of the family, scientific objectivity, permissible reduction and ontologization of scientific models.

Keywords: family, familistics, sociology of the family, family psychology, family philosophy.

УДК 1(091)

Пронякин В. И.,

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии

Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днипро, Украина), E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОПЫТА В СОСТАВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК ДЕЙСТВУЮЩЕМ СУЩЕСТВЕ

Аннотация. Рассмотрена прагматическая концепция опыта в его доктринальном отношении к человеку как действующему существу. Сделан вывод о том, что опыт трактуется прагматистами как нечто субъективное, конкретное и индивидуальное. Для Ч. С. Пирса опыт есть неструктурированная субъективная реальность. У. Джеймс понимал опыт как поток сознания, из которого мы сами должны сконструировать мир, в котором будем действовать. Таким образом, у каждого наличествует свой «мир», тогда как в потоке опыта существует множество «неустойчивых миров». Дж. Дьюи считал, что человек живет в непостоянной и полной опасностей среде. Вот потому-то прагматизм и стремится выработать мировоззрение, которое дало бы возможность человеку жить в этом зыбком и опасном мире. Прагматизм исследует опыт человека, хотя и психологизирует его, основывая логику познания на привычках и субъективном выборе верований. В конечном счете, прагматическое представление о человеке как действующем существе тесным образом связано с формированием (назовем его так) протонеклассического представления об опыте как основанном на внерациональном, жизненно-практически опосредованном единстве объекта и субъекта.

Ключевые слова: человек, опыт, объект, субъект, сознание, эмпиризм, рационализм, монизм, плюрализм.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Исследование представленной темы актуально с точки зрения сохраняющегося на протяжении многих десятилетий интереса к философии прагматизма. Такое исследование может быть обусловлено задачами всестороннего раскрытия мировоззренческого и методологического содержания, которое образует состав прагматизма и которое не нашло достаточного отражения и переосмысления в современной отечественной философской литературе. Хорошо известно, что в число приоритетных задач национального возрождения, стоящих перед народами бывшего СССР, входит задача культурной интеграции в систему европейских (и шире: западных) ценностей, мировоззренческих установок, поведенческих нормативов и стандартов. Установка на прагматизм (и даже на утилитаризм) является вполне «естественной» для западного человека, и ее концептуальная разработка американскими философами на рубеже XIX и XX веков явилась в определенном смысле лишь ее теоретической «легитимизацией». Вместе с тем, не менее хорошо известно и то,

что эта установка никогда не была характерной (и тем более – доминантной) для ценностной составляющей культуры восточноевропейских народов, по крайней мере тех, что наследуют «православную» культурную традицию. Философская рецепция и анализ теоретических основ прагматизма, позволит, как представляется, прояснить ряд актуальных вопросов, которые стоят перед современными культурами, переживающими «переходно-ренессансный» период, и, в частности, таких: содержит ли прагматизм как достаточно редукционистская мировоззренческая доктрина, антропологически значимую аксиологическую составляющую; и в связи с этим: способен ли прагматизм представить позитивно оцениваемую гуманитарную перспективу в решении культурно-интеграционных задач, стоящих перед современной Украиной?

Задача исследования. Для того, чтобы квалифицированно осветить все потенциально значимое содержание этих и других схожего рода вопросов, необходимо произвести комплексные фундаментальные исследования. В представляемой работе рассматривается частная проблема: как оценить – в аксиологическом, жизненно-практическом плане – прагматическое понимание опыта в его доктринальном отношении к человеку как действующему существу.

Состояние исследования темы. Зарубежная библиография по антропологической стороне прагматизма практически неисчерпаема. В числе отечественных авторов, исследовавших прагматизм в последние десятилетия (в разных его контекстах) находятся: Ермоленко А., Ситниченко Л. (коммуникативно-практический и семиотический контекст), Предко О. (вероисповедальный контекст), Заиченко Г., Кебуладзе В., Лой А., Окороков В. (общеметодологический и феноменологический контекст) и др.

Изложение основного материала.

Вполне естественным будет начать разговор с «основоположника» прагматизма, Ч. С. Пирса. Являясь оригинальной, самобытной, антропология Пирса в то же время образует органичную, неотъемлемую составляющую антропологической доктрины прагматизма в целом. Существенным аспектом этой доктрины является представление о человеке как действующем существе.

Напомним, что в основе прагматизма заложена определенная концепция опыта, в которой не различаются субъект и объект познания, духовное и материальное. Прагматизм не сосредоточивается специально на вопросе об объективно-реальном существовании мира, опыт мыслится как сама реальность. В данном отношении очевидным есть тот факт, что, формируя свою концепцию опыта, Ч. С. Пирс переосмысливает фундаментальные установки философии Нового времени, в частности, классическую концепцию истины как соответствия мысли объекту.

Важно иметь в виду, что для западной цивилизации в конце XIX в. – и особенно это заметно в культуре Америки – все менее значимой культурной ценностью становилось следование нормам и стереотипам, что были унаследованы от предков или навязаны властями, и все большее значение в глазах общественности приобретал жизненный, практический успех. Именно понятие успеха стало центральным в философии прагматизма, и следствием этого стало изменение места человека во Вселенной: если раньше, образно говоря, каждый сверчок должен был знать и любить свой шесток (и не пытаться его покинуть в поисках лучшей доли), то теперь перед человеком открылось обширное – и даже, как казалось тогда, бесконечное – поле возможностей, перспектив, потерь и приобретений, и это поле уже не было запретным. Человек получил возможность и право самостоятельно определять свое место в мироздании, свои цели и способы их достижения – и, разумеется, нести полную ответственность за последствия своего выбора.

Однако, как известно, любой деятель культуры – дитя своего времени, и Пирс не был исключением из этого правила. «Конфликт науки и религии — это фокус и исток противоречий и ключ ко всей философии Пирса» [6, с. 33]. Идеалы религии

все еще оказывали весьма сильное воздействие на его мировоззрение, и сложность, неоднозначность философских взглядов этого мыслителя обусловлена во многом именно этим конфликтом между религиозными ценностями и идеалами свободного исследования природы, направленного на овладение ею, — конфликтом, в котором он не мог уверенно отдать предпочтение ни одной из сторон, и пытался их примирить.

Прагматическое представление об опыте наглядно демонстрирует, в какую сторону начали смещаться акценты в западноевропейской философии конца XIX ст. Опыт — это всегда опыт человека, именно человек является его субъектом; человеку может быть очень многое дано, в том числе и непосредственное видение Абсолюта, но смысловым приоритетом всегда обладает человек, а Бог или Абсолют оказываются приравненными по своему статусу ко всем другим объектам опыта — как к реальным предметам, так и к плодам воображения. Таким образом, именно человек обретает у Пирса онтологическую значимость центра мироздания, а антропология и теория познания в его философии формируют концептуальное ядро, служащее исходным пунктом в постановке и решении всех других философских проблем. Схожую точку зрения отстаивает другой виднейший представитель прагматизма, У. Джеймс. В его учении человек обретает статус особого самостоятельного активного центра в «плюралистической вселенной», в которой наличествует столько центров самоорганизации, сколько существует самосознающих волей.

Что касается Пирса, то, по его словам, мы живем в двух мирах: мире фактов и мире фантазий. Любой из нас привычно считает себя творцом своего собственного мысленного мира. Каждый считает, что в этом мире существуют вещи согласно его желанию, которое не требует усилий и которому ничто не может противодействовать. Мы называем мир фантазий внутренним миром, тогда как мир фактов для нас — что-то внешнее. Защищаясь от упрямых фактов, человек делает мир обычным и полным удобств. Если бы человек не тяготел к привычке, он бы каждый раз был бы вынужден уяснять, что его внутренний мир потревожен, а его желания преобразованы в ничто грубым вмешательством извне. Пирс объясняет такие вынужденные изменения способов мышления влиянием мира фактов, или опыта.

Одним из специфических свойств опыта, согласно Пирсу, является его неструктурированность. Нет никаких закономерностей, которые были бы присущи самому миру, поэтому ориентироваться в такой Вселенной, опираясь лишь на опыт, невозможно. Привычки же, считает Пирс, подобны одежде, которую человек латает, стараясь выяснять природу и причины этих внешних вмешательств и отстраняя от своего внутреннего мира те идеи, которые приносят ему беспокойность [см.: 9]. Вместо того, чтобы ждать, когда опыт застанет неожиданно, человек не наносит себе вреда, провоцирует себя самого и в зависимости от результатов изменяет установки своего внутреннего мира. Мы воспринимаем внешние к нам объекты, тем не менее, то, что мы действительно получаем опытным путем — это событие. При этом нельзя считать событие в точности объектом нашего восприятия. С событиями, с изменениями восприятия нас сближает именно опыт. Неожиданные изменения можно охарактеризовать как шок. Шок представляет собой феномен воли. Длинный свисток приближающегося локомотива, вызывает во мне определенного рода инерцию, так что внезапное понижение тона встречает определенного рода сопротивление. Так образуется факт [см.: 9].

Шок есть нечто «безошибочное», и слово «опыт» мы используем, когда речь идет именно об изменениях и контрастах в восприятии. Опытным путем мы познаем изменчивость, непостоянство времени. Мы не можем иметь опыт этой изменчивости без опыта, подвергнутого изменениям восприятия, однако понятие опыта шире понятия восприятия и содержит многое из того, что не является в

точном смысле слова объектом восприятия.

Мы не можем иметь идею в нашем разуме, связанную с чем-то еще, кроме мыслимых чувственных последствий вещей. Наша идея чего-нибудь есть наша идея его чувственных последствий; и если мы воображаем, что владеем какой-нибудь идеей кроме этого, то мы обманываем самих себя и по ошибке выдаем ощущение, которое сопровождает нашу мысль, за часть самой мысли.

Отсюда Пирс выводит свою прагматическую максиму: «рассмотрите, какого рода следствия, которые могут иметь практическое значение, являются, как мы считаем, объектом нашего представления. Тогда наше представление об этих следствиях и есть наше представление об объекте». Тем не менее, замечает Пирс, опыт одного конкретного человека ничего не означает. Если он видит то, чего не могут видеть другие, мы называем это галлюцинацией. Не «мой» опыт, а «наш» является предметом мышления; и это «мы» обладает бесконечными возможностями. Нам не следует понимать практику в каком-то низком и корыстном смысле. Индивидуальное действие является средством, а не целью [см. об этом: 8, с. 266-298].

У. Джеймс, вопреки сосредоточенности его философии именно на индивиде, также видит человека общественным существом. Метафизика Джеймса основывается на плюралистической полиморфности действительности и хотя именно человек выбирает из этого многообразия возможностей тот мир, в котором он существует, согласно своим стремлениям и убеждениям, тем не менее, человек у Джеймса выступает не как обособленный собственной идеологией индивид, а как часть сообщества, которое постоянно взаимодействует с его другими членами. Именно благодаря постоянному поиску средств приспособления, и стремлению к «наведению мостов» между отдельными частями «плюралистической вселенной», между индивидами устанавливаются взаимовыгодные связи, создаются некоторые общие истины, ценности и стремления, которые делают отдельную личность полноправным членом общества.

Таким образом, действуя индивидуально, каждый член общества принимает участие в формировании общего опыта с другими индивидами [10].

Среду, действительность со всеми ее аспектами, в которой существует человек, У. Джеймс характеризует средствами прагматизма, а точнее, как он называет свою концепцию, радикального эмпиризма. Эмпиризм, по Джеймсу, признает свои наиболее достоверные выводы о фактах в качестве простых гипотез, которые могут изменяться по мере накопления опыта; чтобы называться радикальным, эмпиризм не должен включать в себя ни одного элемента, который не может быть данным в непосредственном опыте, равно как и исключать любой элемент, непосредственно данный в опыте, а любые отношения, связывающие данные в опыте элементы, должны считаться реальными, как и все в этой системе. Каждого, кто признает в качестве основной гипотезы, что плюрализм – постоянная форма мира, Джеймс называет радикальным эмпириком [1, с. 6].

В своей системе логики и онтологии рационализм склонен возвеличивать универсалии и ставить целое выше части. Эмпиризм, наоборот, обустраивает свой объясняющий принцип на части, элементе, индивиде; целое рассматривает как совокупность частей, а универсалии считает абстракциями. В сущности, это мозаичная философия, философия множественных фактов.

Философию часто определяли как исследование единства мира. Но как же стоит дело с разнообразием в вещах? Джеймс предлагает обратить внимание на нужды нашего разума, и мы увидим, что потребность в единстве есть лишь одной из многих. Цель устремлений разума – не единство, не многообразие, взятые сами по себе, а *цельность*. В силу рационалистической традиции мы привыкли воспринимать мир как единое, иначе как бы он мог вообще быть миром?

Единство вещей всегда рассматривалось как нечто более достойное, более пре-

красное, чем их разнообразие. Джеймс замечает: по обыкновению эмпирики – такие же непреклонные монисты, как и рационалисты. Разница лишь в том, что единство не застигает эмпирикам видения других вещей, не убивает в них любознательности и интереса к конкретным фактам.

Как мы видим, люди склонны к созданию рационалистической картины мира. Тем не менее, все попытки исчерпывающим образом определить и сформулировать смысл бытия или предложить общую схему действительности Джеймс расценивал как неудачные, преждевременные обобщения. По его мнению, ни одна концепция не принимает во внимание все аспекты реальности. Характерные для монистической философии попытки выявить в разнообразном и незаконченном опыте, в природе или истории единую логику, гармонию или цель, не приводят к успеху: «Философ требует или все или ничего. Если мир не может быть рациональным так, как я это понимаю, т. е. в смысле безусловного покорения мне, я отказываюсь признавать его рациональным вообще. Он – воплощенный беспорядок, хаос...» [1, с. 172].

Центральное место в концепции радикального эмпиризма занимает понятие чистого опыта. Последний определяется как недифференцированный поток ощущений и противопоставляется опыту осознанному, структурированному под влиянием разума. У Джеймса «опыт» теряет значение низшей ступени познания, принятое в рационалистической философии, и становится синонимом «жизни», всего, того, что человек переживает, включая в себя и религиозную веру, превращая всю философию в учение о человеке, учение, краеугольный камень которого – идея, утверждающая могущество воли. Сам термин «рациональность» уже не означает привилегированную область психического и интерпретируется на уровне «повседневности» – как экономия, эффективность мышления или действия [7, с. 397].

У. Джеймс условно изображает чистый опыт в качестве единой мировой субстанции или универсального «вещества», объединяющего субъект и объект, вещи и мысли о них, предметы и отношения. Тем не менее, он считает, что невозможно судить о том, представляет ли собой опыт в целом универсальное единство, поскольку он есть незавершенным и постоянно расширяется за счет новых фрагментов, дополняющих уже существующую картину мира.

Итак, радикальный эмпиризм Джеймс характеризует как «мозаичную», плюралистическую философию. Элементы изображенной философом картины опыта напоминают частицы мозаики, лишённые общей основы и соединённые друг с другом за счет непрерывных переходов. Опыт в целом имеет неопределённые, подвижные границы и постоянно расширяется. Множество соединений фрагментов опыта, например, отношение места и времени, имеют внешний и случайный характер, который не зависит от внутренней природы вещей [10].

Согласно Джеймсу, недостатком предыдущей эмпирической картины мира было отсутствие связей между частями, поэтому в своих работах он обращает особое внимание на отношения, которые также считает компонентами опыта. Отношения включают в себя как объединение, так и разъединение предметов. Из всех отношений объединения наиболее интересными философ называет переход от одного фрагмента опыта к другому в рамках одного индивидуального сознания. По Джеймсу, эти отношения позволяют непосредственно познавать непрерывность опыта. Непрерывность является важной характеристикой опыта и означает, во-первых, отсутствие переживания разрыва и, во-вторых, определенное чувство последовательности. «Я придерживаюсь, писал Джеймс, – того неопровержимого представления, что каждый момент опыта в результате перехода всегда наполняет собой другой, следующий и все переходы, соединяющие и разъединяющие, продолжают плетение общей ткани» [2, с.392]. Джеймс артикулирует, что одним из острейших интеллектуальных желаний человека является жажда последователь-

ности. Другими словами, картина мира должна быть связной, в ней не должно быть элементов, которые прямо противоречат друг другу. Как следствие, можно предположить, что прагматизм как метод нацелен не на познание действительности как таковой, а скорее на «наведение мостов» между отдельными фактами, вещами, личностями, между индивидом и обществом, и, наконец, между отдельными обществами.

Джеймс подчеркивал, что хотя прагматизм безусловно должен стать «на сторону» плюрализма, тем не менее, его радикализм не должен впадать в безудержную крайность. По мнению философа, прагматизм должен одинаково отвергать как абсолютный монизм, так и абсолютный плюрализм. Мир един ровно настолько, насколько его части соединены между собой какой-нибудь определенной формой связи.

Смещение акцентов в понятии опыта, которое повлек за собой прагматизм, ярко отображается и во взглядах Дж. Дьюи. Его главные интересы были сосредоточены на социальных вопросах, в центре которых стоял человек и его практические проблемы. Дьюи считал, что прагматизм осуществил своего рода «коперниканскую революцию», осуществив переход от чисто философских проблем к решению человеческих. По его словам, новая концепция опыта и новая концепция отношения разума к опыту, или, точнее, места разума в опыте стали возможными благодаря двум обстоятельствам. Первое – это изменения, которые произошли в реальной сущности опыта который мы переживаем, в его содержании и методах. Второе связано с развитием психологии, основанной на биологии; согласно Дьюи, это обстоятельство повлияло на возможность по-новому, «научно» подойти к сущности опыта.

Концепция Дьюи, равно как прагматизм в целом, исходит из разумения опыта, определяющего все, что встречается в жизни. По словам Дьюи, ценность опыта для философской рефлексии заключается в том, что он означает как поле, солнце, тучи и дождь, так и человека, который трудится, составляет планы, изобретает, пользуется вещами, страдает и наслаждается. Опыт означает все, что переживается, мир событий и лиц, деятельность и судьба человека. Дьюи понимает опыт совсем не так, как скажем, Бэкон или Локк, для которых опыт был способом познания. Для него опыт – это повседневный опыт людей, это мир чувств, переживаний и активности человека, сфера его обычной жизнедеятельности.

Понятие «опыт» является центральным пунктом учения как у Джеймса, так и у Дьюи. Но если У. Джеймс определял опыт довольно абстрактно, как «поток сознания» или «поток субъективной жизни», то Дьюи дает более развернутую характеристику; учитывая фактор непрерывности, Дьюи считает большой ошибкой рассмотрение опыта как познания, а данных в нем объектов как познавательных или непознавательных. Опыт, заявляет Дьюи, совсем не сводится к познавательному отношению. Напротив, существует множество иных способов отношения к вещам и обращения с ними. Взаимодействие организма и окружающей среды, которое приводит к некоторой адаптации организма, облегчающей ему пользование благами среды, есть первичный факт, основная важная категория. Знание отступает на производные позиции, позиции вторичного происхождения. Знание не является чем-то отдельным и самодовлеющим, оно вовлечено в процесс, которым поддерживается и изменяется жизнь. Мы прежде всего владеем вещами, наслаждаемся ими, используем их или страдаем от них. «Весь познавательный опыт должен начинаться и заканчиваться в бытии вещей и во владении ими». «Мы должны мыслить мир в терминах, которые допускают, что преданность, благочестие, любовь, красота и тайна были бы не менее реальными, чем что-нибудь другое» [5, с. 125]. Таким образом, опыт для Дьюи – это будничные, заурядные опыт людей, их обычная жизнедеятельность. Поэтому Дьюи оценивает в соответствующих категориях: «Успех и неудача есть первичные «категории» жизни, достижение блага

и избежание зла – ее высочайшие интересы, надежда и тревога – господствующие качества опыта» [5, с. 98]. Дьюи считает, что мы самые служим причиной своего опыта. Он говорит, что организм не ждет, пока что-то произойдет само собой. Он не ждет пассивно и безвольно, когда что-то извне подействует на него. Организм сам действует на свое окружение в соответствии с собственной, простой или сложной, структурой. В свою очередь изменения, которые он вызвал в среде, сказываются на организме и его жизнедеятельности. Живое существо подчинено влиянию, страдает от последствий своего собственного поведения. Эта тесная связь действия и страдания, или склонности к действию, и образует то, что мы называем опытом. Ни изолированное действие, ни изолированное страдание не образуют опыта [5, с. 78]. Настоящим «поток» опыта признаются процессы адаптивных действий, привычки, активные функции, связи, сенсорно-моторные координации. Опыт в самом себе несет принципы связи и организации. И эти принципы есть ничуть не «худшими» оттого, что они жизненные и практические, а не гносеологические.

По словам Дьюи, человеческий опыт становится человеческим благодаря наличию в нем ассоциаций и воспоминаний, которые фильтруются через сетку воображения в соответствии с определенной эмоциональной потребностью. По-человечески интересная жизнь – это жизнь, когда нам не повторяют об умерщвлении плоти, когда пустоту свободного времени заполняют образы, волнующие человека и отвечающие ее потребностям. Именно поэтому в человеческом опыте поэзия исторически предшествует прозе, религия опережает науку, а орнаментальное и декоративное искусство, которое поначалу имело утилитарное значение, рано достигло непропорционально высокого развития сравнительно с навыками практической направленности. Для того, чтобы предположения, вытекающие из прошлого опыта, приносили нам удовлетворение, чтобы они питали эмоции, придавая потоку сознательного существования глубину и цвет, они обрабатываются таким образом, что неприятные моменты сглаживаются, а радостные усиливаются.

Опыт по Дьюи означает кое-что новое, что «приказывает нам отвергнуть благосклонность к прошлому, что открывает новые факты и истины. Вера в опыт порождает не верность обычаю, а направленность к прогрессу. В пределах реального опыта по мере его проживания должны происходить любые конкретные и жизненно важные изменения [5, с. 45]. Ведь учение об опыте, в конце концов, подражает опыту и моделируется в соответствии с опытом, который реально переживается. По словам Дьюи, сегодня мы начинаем испытывать удивление тем, насколько «разум» как способность, изолированная от опыта, направленная на высшую область универсальных истин, далека, неинтересна и неважна для нашей жизни. Разум, как описанная Кантом способность привносить в опыт общезначимость и законосообразность, все больше и больше шокирует нас своей ненужностью. Интеллекту и науке отводится роль вспомогательного средства для достижения практических целей. Их задача, согласно Дьюи, состоит в том, чтобы составлять планы на будущее и отыскивать средства для их осуществления, в том, чтобы более эффективно решать человеческие проблемы.

Вернемся к ходу рассуждений У. Джеймса. В отличие от традиционных подходов, ориентированных в первую очередь на содержание мысли, Джеймс настаивал на необходимости постараться понять саму природу мысли. Он утверждал, что, не сделав этого, мы не узнаем, как функционирует наш разум. Одна и та же мысль некогда не приходит дважды. Нам часто случается видеть знакомые предметы, слышать знакомые звуки; казалось бы, все знакомое должно одинаково влиять на наши ощущения, тем не менее, каждый раз мы воспринимаем знакомые предметы и явления несколько по-иному. То, что на первый, поверхностный взгляд кажется одной и той же повторяемой мыслью, на самом деле представляет

собой серию измененных мыслей. Каждая такая мысль уникальна, и каждая при этом зависит от предыдущих модификаций исходной мысли. Джеймс утверждал, что самое главное в сознании – это его постоянная изменчивость. Проследив ход наших мыслей, мы приходим к очевидному парадоксу: хотя мысли постоянно трансформируются, в тот же время не менее бесспорным является то, что мы постоянно ощущаем нашу личностную непрерывность. Джеймс назвал это потоком сознания: каждая из наших мыслей влияет на следующую. Каждая мысль, которая возникает в сознании, берет часть своей силы, содержания и направленности от предыдущих мыслей. И вдобавок сознание не кажется само себе расчлененным на части. Одновременно с этим, мысли каждого отдельного сознания изолированы от мыслей другого: между ними не существует никакого непосредственного обмена, никакая мысль одного личного сознания не может стать непосредственным объектом мысли другого сознания.

Абсолютная разобщенность сознаний, плюрализм, который не подвергается объединению, составляют психологический закон. Разрыв между такими мыслями представляет одну из самых абсолютных граней в природе [4].

Поток сознания непрерывен. Могут быть определенные перерывы в чувствах и ощущениях; действительно могут быть перерывы в осознании самого себя и всего, что происходит; тем не менее, даже если и возникают осознанные перерывы в сознании, они не сопровождаются чувством личностной прерывности. Например, когда вы просыпаетесь утром, вы никогда не задаетесь вопросом: «Кто это проснулся?» Вы не ощущаете необходимости броситься к зеркалу, лишь бы убедиться, что это именно вы. Вам не нужно подтверждения того, что вы проснулись с тем же сознанием, с которым легли спать. Идея изменчивости сознания вытекает прежде всего из представления Джеймса о чистом опыте.

Таким образом, в самом по себе опыте, если очистить его от наших концептуальных конструкций, привнесенных культурой, в которой мы воспитывались и через призму которой невольно рассматриваем все, что с нами происходит (в том числе в нашей психике), то окажется, что разделение всего сущего на духовное и материальное необоснованно, поскольку чистый опыт не духовный и не материальный – он нейтральный относительно этих категорий. Духовное и материальное, таким образом, выступают лишь как условные ментальные конструкции, граница между которыми устанавливается самым человеком в зависимости от его интересов и намерений и потому постоянно изменяется, а соответственно и сознание не является чем-то константным.

С точки зрения Джеймса сознание является функцией, которая, вероятно, как и другие биологические функции, развивалась потому, что она полезная. Исходя из такого приспособительного характера сознания, он отводил иную роль инстинктам и эмоциям, а также индивидуальным физиологическим особенностям человека. Джеймс постоянно отслеживал связь между телом и сознанием. Сущность душевной и телесной жизни заключается в одном и том же, а именно – в приспособлении внутренних отношений к внешним [4]. Все душевные явления сопровождаются телесными процессами. Он считал, что даже наиболее высокодуховная личность обязана считаться с физическими нуждами тела, поскольку само тело является первоисточником чувств. Однако сознание может на некоторое время превосходить любой уровень физических потрясений, поскольку телесная оболочка человека подчиняется деятельности разума. Например, мысль может быть настолько сконцентрированной и целенаправленной, что человек не будет ощущать даже острейшую боль. Существуют много многочисленные свидетельства того, как солдаты, получавшие серьезные ранения, не ощущали их, пока бой не прекращался. Подобные же случаи наблюдаются и у спортсменов. Исследуя схожие случаи, Джеймс делает вывод, что от сфокусированности внимания зависит, будут ли внешние физические ощущения влиять на деятельность сознания. Из-

вестен афоризм американского философа: «Мои переживания – это лишь то, что я согласился признать достойным моего внимания» [4].

Сознание оказывается у Джеймса подмножеством всего множества духовных элементов опыта, наиболее тесно связанное с нашим телом, т. е. с биологической и инстинктивной стороной личности. Согласно Джеймсу, главной особенностью сознания есть его непрерывная способность все время делать выбор. Разум на каждой стадии своей активности предоставляет нам одновременно несколько возможностей. Работа сознания заключается в том, чтобы сравнивать эти возможности, одни из них выбирать, а другие игнорировать. В этом процессе значительную роль играет внимание. Прежде чем опыт станет действительно нашим опытом, на него следует обратить внимание. Джеймс так об этом говорит: «Мой опыт – это то, на что я склонен обратить внимание. Только то из опыта, что я отмечаю, формирует мой разум – без выборочного интереса опыт представляет собой полный хаос. Лишь интерес придает особое значение и расставляет акценты, создает свет и тень, задний и передний план – одним словом, разумную перспективу» [4].

Итак, мы можем выделить основные свойства сознания:

1. Каждое состояние сознания стремится быть частью личного сознания.
2. В пределах личного сознания его состояния непостоянны.
3. Любое личное сознание представляет собой непрерывную последовательность ощущений.
4. Одни объекты оно воспринимает с желанием, другие отталкивает, и вообще все время делает выбор между ними.

В конечном счете выходит, что Джеймс подчеркивает активную творческую роль человека по отношению к потоку сознания. Человек, как скульптор, высекает этот мир из потока ощущений, в котором потенциально существуют разнообразнейшие миры, из которых, тем не менее, для жизни выбирается лишь один.

Отсюда, далее, следует, что познание осуществляется с целью выяснить для себя те свойства объектов окружающего мира, которые имеют отношение к намерениям человека: так, один и тот же камень, который лежит на дороге, будет рассматриваться простым прохожим или дворником как мусор или препятствие, скульптором – как кусок породы, которая ему необходима для работы, а хулиганом – как предмет, которым можно запустить, скажем, в прохожего, дворника или скульптора и ликовать, глядя на их страдания [3, с. 56].

В схожем ракурсе сознание и познание рассматривается и Ч. С. Пирсом. Мы познаем для того, чтобы успешно осуществлять наши желания, потому и в объектах выделяем как важные те черты, что имеют какое-нибудь отношение к нашим интересам. Так, если мы исследуем свойства элементарных частиц, а решение поставленной задачи зависит от оценки их энергии, то именно этот параметр мы постараемся определить с наибольшей возможной точностью, игнорируя при этом координату частиц. Поэтому представление об объектах мы составляем для себя в зависимости от того, чего мы старались достичь с помощью этих объектов.

Согласно Пирсу, наше сознание, как и опыт, играет важную роль в процессе познания. Он считает, что вся жизнь сознания заключается в его настоящем. Пирс выделяет три области проявления жизни сознания, которое после И. Канта рассматривались большинством философов как должное; это: переживание, знание и желание. Единодушие, с которым принимается это распределение, не берет своего начала у Канта, наоборот – оно заимствовано из догматической философии. Пирс полагает, что принимая его, Кант делает уступку догматизму, против которого, увы, не возражает даже психология. Тем временем, основам ее такое распределение противоречит. В этом смысле психология открыта для целого ряда отрицаний, которые находят свое обоснование именно в том, на чем держится само распределение. Во-первых, желание включает в себя элемент удовлетворения в той же степени, что и элемент воли. Желание не то же именно, что и воление. Оно

представляет собой умозрительную разновидность, смешанную с умозрительным предчувствием удовлетворения. Далее, любой феномен нашей сознательной жизни в том или иной степени есть познание, равно как и любая эмоция, проявление воли. По словам Пирса, остается признать, что истинными категориями сознания есть: первое, или переживание – сознание, которое может быть полностью заключено в том или другом моменте времени, пассивное качественное состояние, которое не есть осознанным и не подвергается анализу; второе – уразумение сознанием вмешательства в его личный ареал, отсюда – мотивация сопротивления; третье – синтетическое сознание, связанный временной поток, накопление знаний, мысль.

Новация Ч. Пирса в сравнении с предшествующей философской традицией заключалась в том, что он одним из первых осознал наличие между субъектом и объектом посредника, проводящего любой познавательный процесс. Согласно классическому рационализму, представленному Декартом и Лейбницем, мы познаем объект полностью и во всех его существенных чертах, а если в познавательный процесс вмешиваются наши интересы, симпатии и антипатии, то познание становится в той или другой степени неадекватным и неточным. Пирс выдвинул идею о том, что познание в принципе не может отвечать Декартовой модели идеального познания и всегда в своих специфических чертах обусловлено иррациональным аспектом нашей личности – прежде всего нашими интересами; в конечном счете все выразилось в прагматической максиме: рассмотрите, какого рода следствия, имеющие практическое значение, составляют, как мы думаем, объект нашего понятия. Тогда наше представление об этих следствиях и есть полное понятие об объекте [8, с. 270].

Выводы. В целом у прагматистов опыт трактуется как нечто субъективное, конкретное и индивидуальное. Для Ч. С. Пирса опыт есть неструктурированная субъективная реальность. У Джеймса понимал опыт как поток сознания, из которого мы сами должны сконструировать мир, в котором будем действовать. Таким образом, у каждого наличествует свой «мир», тогда как в потоке опыта существует множество «неустойчивых миров». Дж. Дьюи считал, что человек живет в непостоянной и полной опасностей среде. Вот потому-то прагматизм и стремится выработать мировоззрение, которое дало бы возможность человеку жить в этом зыбком и опасном мире. Прагматизм исследует опыт человека, хотя и психологизирует его, основывая логику познания на привычках и субъективном выборе верований. В конечном счете, прагматическое представление о человеке как действующем существе тесным образом связано с формированием (назовем его так) протонеклассического представления об опыте как основанном на внерациональном, жизненно-практически опосредованном единстве объекта и субъекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Джеймс У. Воля к вере // Воля к вере / пер. с англ., сост. Л. В. Блишников, А. П. Поляков. – М.: Республика, 1997. – (Мыслители XX века). – С. 9–27.
2. Джеймс У. Мир чистого опыта // Воля к вере / пер. с англ., сост. Л. В. Блишников, А. П. Поляков. – М.: Республика, 1997. – (Мыслители XX века). – С. 373–393.
3. Джеймс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления // Джеймс У. Прагматизм. – К.: Україна, 1995. – С. 3–154.
4. Джеймс У. Психология. – 1991. – URL: <http://www.klex.ru/1fj>. (Дата звернення 4.09.2017)
5. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека / пер. с англ., послесл. и примеч. Л. Е. Павловой. – М.: Республика, 2003. – 494 с. – (Мыслители XX века).
6. Мельвилл Ю. К. Чарлз Пирс и прагматизм. – М.: Издательство Московского университета, 1968. – 503 с.
7. Павлова Л. Е., Гуревич П. С., Хорьков М. Л. Философское благовестие прагматизма // Воля к вере / пер. с англ., сост. Л. В. Блишников, А. П. Поляков. – М.: Республика, 1997. – (Мыслители XX века). – С. 394–408.
8. Пирс Ч. С. Как сделать наши идеи ясными // Избранные философские произведения

ния / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. – С. 266–295.

9. Пирс Ч. С. Начала прагматизма / пер. с англ., предисл. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 318 с. – (Метафизические исследования).

10. James W. A Pluralistic Universe. – 1909. – URL: <http://www.fullbooks.com/A-Pluralistic-Universe.html>. (Accessed 4.09.2017)

REFERENCES:

1. Dzheymys U. Volya k vere [The Will to faith] // Volya k vere / per. s angl., sost. L. V. Blinnikov, A. P. Polyakov. – М.: Respublika, 1997. – (Mysliteli XX veka). – S. 9–27.

2. Dzheymys U. Mir chistogo opyta [The World of pure experience] // Volya k vere / per. s angl., sost. L. V. Blinnikov, A. P. Polyakov. – М.: Respublika, 1997. – (Mysliteli XX veka). – S. 373–393.

3. Dzheymys U. Pragmatizm. Novee nazvanie dlya nekotorykh starykh metodov myshleniya [Pragmatism. A new name for some old ways of thinking] // Dzheymys U. Pragmatizm. – К.: Ukraïna, 1995. – S. 3–154.

4. Dzheymys U. Psikhologiya [Psychology]. – 1991. – URL: <http://www.klex.ru/1fj>. (Accessed 4.09.2017)

5. D'yui D. Rekonstruktsiya v filosofii. Problemy cheloveka [Reconstruction in philosophy. Problems of the person] / per. s angl., poslesl. i primech. L. E. Pavlovoy. – М.: Respublika, 2003. – 494 s. – (Mysliteli XX veka).

6. Mel'vil' Yu. K. Charlz Pirs i pragmatizm [Charles pierce and pragmatism]. – М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1968. – 503 s.

7. Pavlova L. E., Gurevich P. S., Khor'kov M. L. Filosofskoe blagovestie pragmatizma [Philosophical gospel of pragmatism] // Volya k vere / per. s angl. – М.: Respublika, 1997. – (Mysliteli XX veka). – S. 394–408.

8. Pirs Ch. S. Kak sdelat' nashi idei yasnymi [How to make our ideas clear] // Izbrannye filosofskie proizvedeniya / per. s angl. K. Golubovich, K. Chukhruidze, T. Dmitrieva. – М.: Logos, 2000. – S. 266–295.

9. Pirs Ch. S. Nachala pragmatizma [The Beginning of pragmatism] / per. s angl., predisl. V. V. Kiryushchenko, M. V. Kolopotina. – СПб.: Aleteyya, 2000. – 318 s. – (Метафизические исследования).

10. James W. A Pluralistic Universe. – 1909, – URL: <http://www.fullbooks.com/A-Pluralistic-Universe.html>. (Accessed 4.09.2017)

Пронякін В. І., доктор філософських наук, професор, професор кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

Прагматична концепція досвіду у складі уявлення про людину як діючу істоту.

Анотація. Розглядається прагматичне розуміння досвіду в його доктринальному відношенні до людини як діючої істоти. Робиться висновок, що у загальному вигляді досвід в прагматиків постає як децю суб'єктивне, конкретне та індивідуальне. Для Ч. С. Пірса досвід є неструктурована суб'єктивна реальність. В. Джеймс розумів досвід як потік свідомості, з якого ми самі маємо сконструювати світ і у якому будемо діяти. Таким чином, у кожного є наявним свій «світ», тоді як у потоці досвіду існує множинність «нестійких світів». Дж. Дьюї вважав, що людина живе у нестійкому та заповненому небезпеками середовищі. Тому прагматизм і прагне утворити світогляд, який сприятиме людині у здійсненні її життєво-практичних прагнень. Прагматизм досліджує досвід людини, ґрунтуючи логіку пізнання на звичках та суб'єктивному виборі вірувань. Врешті-решт, прагматичні уявлення про людину як діючу істоту безпосередньо пов'язані з формуванням (назвемо його так) протонекласичного уявлення про досвід як про позараціональну, життєво-практично опосередковану єдність об'єкта і суб'єкта.

Ключові слова: людина, досвід, об'єкт, суб'єкт, свідомість, емпіризм, раціоналізм, монізм, плюралізм.

Pronyakin V. I., doctor of philosophical sciences, full professor, professor of the department of philosophy Oles Honchar Dnepropetrovsk national university (Dnipropetrovsk, Ukraine), E-mail: vladimir-pronyakin@rambler.ru

Pragmatic concept of experience as part of the view of man as usable presence

Abstract. Considered concept of experience in pragmatism in its doctrinal attitude to human as usable presence. Concluded that the experience in pragmatism is preserved as something subjective, concrete and individual. For Ch. S. Pierce experience is unstructured subjective reality. W. James understood the experience as a stream of consciousness from which we must construct a world in which we doing. Thus, everyone there is your «world», whereas in the stream of experience there are many «fragile worlds». J. Dewey claimed that people live in unstable and full of dangers situations. Consequently, pragmatism tends to develop an outlook that allows a person to live in this volatile and dangerous world. Pragmatism explores the human experience, basing logic learning habits and subjective selection of beliefs. Ultimately, pragmatic conception of man as usable presence required to provide as follows: this is experience of non-rational, vital practical mediated unity of object and subject. It is important to keep in mind that it is (call it so) proto-non-classic conception.

Keywords: man (human), experience, object, subject, consciousness, empiricism, rationalism, monism, pluralism.

УДК 316.472.45

Ганаба С. О.,

доктор філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософських дисциплін

Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка
(Кам'янець-Подільський, Україна), E-mail: sveta_ganaba@ukr.net

РЕВОЛЮЦІЯ У НАВЧАННІ: ПОВОРОТ ДО ОСОБИСТІСНО-КУЛЬТУРНОЇ МОДЕЛІ ОСВІТИ

Анотація. Освіта зберігає культурні надбання минулого і, одночасно, націлює соціум на нові зміни, окреслює обрії його подальшого розвитку, враховуючи пульсацію часу. Знаходячись у стані постійного пошуку, оцінки та переоцінки світоглядних орієнтирів, нових ідей, принципів і шляхів власного розвитку, вона «задає тон» модернізації ним процесам у суспільстві. У статті наголошується, що попри активне впровадження низки різноманітних нововведень у практику освіти, дана сфера залишається орієнтованою на минуле й не відповідає запитам й потребам сьогодення. Підкреслюється, що неефективність нововведень в освіті зумовлена також тією обставиною, що українська освітня система сформована у полі культурних орієнтирів Просвітництва, що практично вичерпали себе та набули кризових ознак. Ліквідувати кризові явища в освіті можливо за умови докорінних змін. Йдеться про необхідність запровадження революційних нововведень у навчання (упродовж життя), які б йшли паралельно до інформаційно-комунікативної революції, що стрімко набирає обертів й змінює наш спосіб життя, спілкування, мислення і бачення добробуту. Зasadничою ідеєю змін в освіті є розуміння того, наскільки освіта має сприяти розвитку власних талантів й особистісних задатків людини, формування її життєвих орієнтирів та перспектив, вміння стати господарями власного життя (самостійно діяти, самостійно навчатися й самим себе мотивувати) тощо. За таких умов суб'єкт є «творцем», а не «споживачем» знань. Дані процеси передбачатимуть: визнання пріоритетності творення нових знань, а не споживання готової інформації; вміння комплексно й контекстуально розглядати проблеми й окреслювати нові у звичних для людини ситуаціях; здатність людини до саморозвитку та само трансформації з метою реалізації її життєвого потенціалу; формування нового образу мислення, адекватного світу, який би поєднував не поєднане; плекання розуміючої планетарної етики співжиття тощо. Ці обставини зумовлюють потребу переорієнтації навчального процесу зі світу науки на широкий світ культури й становлення у навчальному середовищі «людини культурної» замість «людини знаючої». Наголошується, що засадничою ідеєю у міркуваннях дослідників є розуміння освіти як простору свободи, у якому суб'єкти навчання отримують можливість вільного самовираження й вільного вибору того, що їх цікавить. Їх концептуальні ідеї й підходи спрямовані на подолання владних, репресивних зазіхань соціуму.

Цінністю освітньої взаємодії визначається вільна, освічена творча особистість, яка здатна зберегти свою індивідуальність й унікальність, готова до співпраці у межах